

*А, пропади все пропадом,
эту книгу я посвящаю себе!*

— Отец — это неизбежное зло, — сказал
Стивен, борясь с чувством безнадежности.

Джеймс Джойс. Улисс

Пусть силы зла заблудятся по пути
к твоему дому.

Джордж Карлин

Пролог 1

Оседлать молнию¹

Эдмунд Уокер Риз любил числа. Он не был ни финансистом, ни математиком, а был человеком наипростейших интересов, но вот сейчас в ИЗШ Блэкледж — в исправительном заведении штата — он сидел, пристегнутый к электрическому стулу, и перебирал числа.

Сюда его привели три тюремщика.

По пути они прошли мимо семерых других смертников, каждый в камере-одиночке.

Палач будет один: безликий, он щелкнет рубильником, который положит конец Эдмунду Ризу.

Времени было десять часов утра. Вторник, второй вторник марта 1990 года.

(В конце концов, время — это тоже числа.)

Но оставались еще детали, которых Эдмунд не знал, поэтому он спросил того тюремщика, что постарше, который разрезал ему на лодыжке штанину тюремных брюк, чтобы обеспечить место для электродов. (Ногу уже побрили сегодня утром, непосредственно перед тем, как Эдмунд Уокер Риз — Эдди для друзей, каковых у него не было ни одного, — поел в последний раз в жизни, съев миску простой куриной лапши.)

Тюремщик, которого звали Карл Грейвз, носил бакенбарды, седые и растрепанные, похожие на клочья тумана, прилипшие к щекам. (Хотя основная часть волос была темной,

---

¹ Вне мира этого романа — просто эвфемизм для казни на электрическом стуле.

еще не тронутой возрастом и не лишившейся окраски.) Ему было далеко за сорок, быть может, даже пятьдесят с небольшим, Эдмунд затруднялся сказать точно. В его дыхании чувствовался слабый перегар: дешевый виски, рассудил Эдмунд. Карл никогда не напивался, но постоянно был в подпитии. (И еще курил, хотя сейчас виски полностью перебивал запах табака.) Именно из-за алкоголя Грейвз все время пребывал где-то между усталостью и раздражением. Но притом виски также делал его честным, и потому он нравился Эдмунду. Ну, настолько, насколько ему вообще кто-либо мог нравиться.

— Поосторожнее с левой ногой! — с укором произнес Риз, обращаясь к тюремщику. — У меня там рана.

— Это где тебя зацепила та девчонка? — спросил Грейвз.

Но Риз пропустил его вопрос мимо ушей.

— Дай мне еще что-нибудь, еще чисел, — сказал он. — Сколько вольт в этом стуле?

— Две тысячи. — Шмыгнув носом, тюремщик выпрямился.

— Размеры знаешь? Вес, ширина и все такое?

— Не знаю, и мне на это наплевать.

— Зрители будут? Сколько?

Грейвз повернулся к окну, лицом к которому сидел Эдмунд: окно было закрыто металлическими ставнями.

— Сегодня зрителей много, Эдди. — Тюремщик назвал его так, хотя они и не были друзьями ни в коей мере, но Эдмунд не стал возражать. — Похоже, люди жаждут увидеть, как тебя поджарят.

В глазах Карла Грейвза, подобно спичке, вспыхнула жестокость. Эдмунд ее узнал, и она ему понравилась.

— Да, да, — сказал он, не в силах скрыть свое раздражение. У него зудела кожа, подбородок свело от напряжения. — Но сколько? Точное число, пожалуйста.

— Двенадцать человек за этим окном. Шесть частных лиц, приглашенных по распоряжению губернатора штата и директора тюрьмы, и шестеро журналистов.

— И это все?

— Есть еще те, кто смотрит по видео. — Карл Грейвз указал на видеокамеру в углу, своим бдительным немигающим глазом пристально наблюдающую за стулом, словно опасаясь пропустить то, что сейчас произойдет. — Тридцать человек.

Риз выполнил вычисления.

— Сорок два. Хорошее число.

— Разве? Впрочем, как скажешь.

Грейвз отступил в сторону, освобождая место второму тюремщику, здоровенному шмату мяса с коротким «ежиком» на голове, словно обработанным газонокосилкой, который, кряхтя, встал и принялся закреплять электроды на обритом наголо черепе Эдмунда. Карл снова шмыгнул носом.

— Знаешь, а ты особенный.

«Я действительно особенный», — подумал Эдмунд. Он знал, что это так. Точнее, когда-то знал. Теперь он уже не был абсолютно в этом уверен. Когда-то у него была миссия. Ему были дарованы жизнь, свет и цель. Святая цель, как ему сказали. Благословенная, освященная, в равной степени праведная и нечестивая, однако, если это действительно так, почему он здесь? Пойманный словно муха в медленно сомкнувшийся кулак. Провалился на номере пятом. Всего на пятом! Ему предстояло еще *столько* работы...

— В каком смысле особенный? — спросил Эдмунд, потому что хотел это услышать.

— Этот стул, «Старая коптильня» — у большинства электрических стульев есть свое имя, многие называются «Старой искрилкой», но здесь, в Пенсильвании, «Старая коптильня», — так вот, он стоял без дела с шестьдесят второго. Последним, кого поджарили на нем, был мерзавец Элмо Смит, насильник и убийца. И с тех пор им больше не пользовались. После Элмо было вынесено девять смертных приговоров, но все отменили после апелляции. А затем появился ты, Эдди. Счастливое число десять.

В голове у Эдмунда Риза замелькали цифры, танцуя кадрили, — никакой математики. Но он упорно искал что-то. Общий рисунок. Истину. Заветное послание.

— В традиционном смысле число десять не является счастливым. — Эдмунд скорчил презрительную гримасу. — Какой я по счету?

— Десятый. Я же говорю.

— Нет, я хочу сказать, сколько до меня? Умерли на этом стуле?

Грейвз вопросительно посмотрел на рыжего верзилу. Тот его не подвел.

— До него на этой сковородке поджарились триста пятьдесят голубчиков.

— Значит, ты триста пятьдесят первый, — сказал Грейвз.

Эдмунд задумался над этим числом: 351.

Что оно означает? Потому что если оно не означает ничего, если оно просто приплюсовано к ведру мочи и дерьма, это его убьет. Так, как не сможет убить этот стул. Убьет страшнее, чем этих девчонок...

«Нет, — строго одернул себя Эдмунд. — Это были не девчонки. А лишь неодушевленные предметы. Каждый со своим номером. Каждый со своим предназначением. Каждый — жертвоприношение». Номер один с двумя хвостиками, номер два с накрашенными ногтями, номер три с родинкой прямо под левым глазом, номер четыре с царапиной на левом локте и номер пять...

Ощувив прилив удушающей ярости, Эдмунд напрягся на стуле, словно уже пораженный разрядом тока.

— Успокойся, Эдди, — сказал Грейвз. Затем пожилой тюремщик склонился к Эдмунду, и у него в глазах снова сверкнула злость. — Ты думаешь о ней, ведь так? О той, которой удалось спастись?

Какое-то мгновение Эдмунду казалось, что его увидели *насквозь*. Возможно, Грейвз заслужил-таки право называть его по имени.

— Как ты догадался?

— О, уж я-то вижу. Я уже довольно долго работаю в отделении смертников, а до того работал в обычной тюрьме. С восемнадцати лет. Сначала человек держится. Не дает себе воли. Но

это как приливные волны — набегают на берег и уносят с собой часть песка, день за днем. И скоро человек уже маринуется в нем. Просаливается насквозь, словно кусок свинины. Оно проникает внутрь. И человек вынужден его признать. Я имею в виду зло. Ты знаешь, какое оно. Как мыслит. Чего *хочет*. — Грейвз облизнул губы. — Знаешь, твои охотничьи угодья, где ты расправлялся с этими девочками...

«С этими предметами».

— Это же неподалеку от моего дома. Моя жена была напугана до смерти. И мой мелкий.

— Они меня не интересовали.

— Ну, пусть так. Тебя интересовали только девчонки. Четыре убиты. А что касается пятой — что ж, ей повезло, правильно?

— Номеру пять удалось *спастись*, — с сожалением произнес Эдмунд.

— И после этого тебя поймали.

— Меня не должны были поймать.

Лицо Грейвза скривилось в жестокой усмешке.

— Однако вот ты здесь. — С этими словами тюремщик похлопал его по колену. — Ты должен уразуметь одно, Эдди: как аукнется, так и откликнется. Что посеешь, то и пожнешь.

— И что пожнешь, то и посеешь.

— Как скажешь.

Тюремщики затянули ремни, еще раз проверили электроды и сообщили Эдмунду о том, что будет дальше. Они еще раз спросили, не хочет ли он пригласить священника, однако Эдмунд уже отказался, и сейчас он также не собирался ни о чем умолять, поскольку «у меня в этой жизни есть покровитель, и этого демона здесь нет». Тюремщики объяснили, словно в насмешку, что за дверью находится дежурный на прямой связи с канцелярией губернатора штата на случай (и тут Грейвз презрительно фыркнул) «отмены в последний момент». Они объяснили, что его останки отправятся на кладбище для бедняков, ибо у Эдмунда на всем свете не осталось ни одного родственника.

И с этими словами тюремщики открыли металлические ставни.

Эдмунд увидел зрителей, собравшихся для того, чтобы посмотреть, как он умрет. Те сидели, охваченные в одинаковой степени ужасом и предвкушением, удерживаемые в равновесии этими противонаправленными силами подобно шарикам от подшипника между полюсами мощного магнита. Палач подал напряжение, отрегулировал силу тока, после чего подошел к щитку, чтобы щелкнуть тумблером — оказавшимся вовсе не картинным рубильником в духе Франкенштейна, который требуется опустить с театральным усилием, а обычным белым переключателем, нажимаемым одним пальцем.

И вот палец нажал, и...

Эдмунд Риз почувствовал, как окружающий мир вспыхнул ярким светом. Ослепительная белая волна смыла все вокруг. Ему показалось, будто он резко провалился вниз — и тотчас же, напротив, будто его подхватили невидимые руки; так, вероятно, чувствует себя корова, затянутая в воронку торнадо, — и следующим его чувством было, что он покинул стул, покинул этот мир; не умер, нет...

А стал чем-то другим, где-то в другом месте.

Пролог 2

Мальчик нашелся¹

Майк О'Хара, охотник, не был гурманом, но он бредил фазаном в винном соусе. Этот семейный рецепт бабушка передала отцу, а тот уже ему и его братьям Пити и Полу. Но им, в отличие от отца, не было никакого дела до фазана в винном соусе и вообще до охоты, поэтому Майк охотился один. Опять. И именно сегодня — в день рождения отца. Пусть отца больше не было в живых. «Земля тебе пухом, старик!»

Майк не считал себя хорошим охотником, а найти в здешних местах фазана в наши дни стало непросто. Поэтому Майк уходил все дальше и дальше в поля в надежде вспугнуть в лесополосе хорошую жирную птицу. Увы, охотничьей собаки у него не было. Выполнять всю работу приходилось одному, что он и делал, медленно и методично, как научил отец.

Но мысли его блуждали. Майк думал об отце, умершем от удара, — тромб поразил его мозг подобно пуле. Он думал о долгах Пити и о проблемах с печенью Пола, вызванных пьянством. Вспоминал, как в детстве купался в карьере недалеко отсюда. И вместе с мыслями блуждали его ноги, не обращавшие особого внимания на то, где он и куда направляется, — пока Майк не наткнулся на ряд умирающих ясеней, измученных изумрудной златкой, оставившей от пышных крон лишь голые ветки,

---

¹ Возможно, отсылка к стихотворению великого английского поэта У. Блейка «Мальчик найденный» из книги «Песни Невинности и Опыта».

похожие на обглоданные кости. За несчастными деревьями виднелся белый обвалившийся фасад штольни шахты Рэмбл-Рокс, заросший диким виноградом и ядовитым плющом. Природа вернулась, забирая свое обратно.

Майк двинулся дальше. Под ногами хрустели ветки. Ему отчаянно хотелось добыть фазана, хотя бы чтобы почтить память отца. Это будет хорошим делом.

Шаг за шагом Майк шел вперед. По-прежнему погруженный в свои мысли...

И тут вдруг из зарослей что-то взмыло.

Воздух наполнился хлопанием крыльев, черный силуэт метнулся с востока на запад. Майк успел разглядеть характерные красные пятна вокруг глаз, белое кольцо на шее. Отставив ногу назад, он вскинул ружье двенадцатого калибра. Нажать на спусковой крючок...

«Черт, предохранитель!» — сообразил Майк.

Быстрый щелчок. Он двинул ружье по дуге полета, опережая птицу, и...

Бабах!

Дернувшись в воздухе, фазан штопором слетел вниз, уткнувшись клювом в сухую траву.

«Получилось!»

Фазан в винном соусе.

Не обращая внимания на звон в ушах и едкую горечь пороховых газов в носу, Майк заморгал, всматриваясь в марево дыма, и...

Увидел стоящего перед ним маленького человека.

— Матерь божья! — рявкнул Майк, не в силах поверить своим глазам. Прямо перед ним стоял мальчик, весь в крови. Первой его мыслью было: «Я застрелил ребенка». Но ведь это невозможно, правда? Резко втянув ртом воздух, Майк разглядел, что кровь старая. Засохшая. Спекшаяся. Она покрывала половину лица мальчика, заслоняя один глаз твердой коркой.

Мальчик был в простой белой футболке, половина которой практически почернела от старой крови. Губы его так сильно

потрескались, что казались обсыпанными солью. Кожа выглядела как у желтушного.

— Здравствуй, — сказал Майк, не зная, что еще сказать.

— Привет, — ответил мальчик. Голос у него был хриплый. Он слабо улыбнулся, словно внутренне чему-то радуясь.

— У тебя все в порядке?

Глупый вопрос, Майк это понимал — у мальчика явно было не все в порядке. Но, может быть, хорошо бы разговорить его, отвлечь от мыслей о том, что он в полной заднице. У Майка такой же была дочь — с Мисси постоянно случались какие-нибудь несчастья, а однажды она так разбила голову о стеклянный кофейный столик, что пришлось накладывать три шва. И тут главным было не показывать ей, как ты расстроен. Делать вид, будто все в полном порядке, и тогда она тоже начинала думать, что все в порядке. Мисси никогда не плакала, потому что ей не показывали, как все ужасно выглядит, когда лицо ее залито кровью.

И мальчик такой же. Лицо залито кровью.

«Только не спугни его. Может, он не знает».

— Мальчик, у тебя все в порядке? — снова спросил Майк.

— Я вылез.

От этих двух слов у Майка в груди все оборвалось, хотя он и не смог бы объяснить почему. И не было возможности разобраться.

— Вылез откуда?

— Из шахты.

Майк заморгал, озаренный догадкой. Он *знал* этого ребенка. Или, точнее, знал, кто он такой. Майк забыл его имя, но мальчик жил где-то неподалеку. Он пропал — когда точно, три, четыре месяца назад?.. Нет, даже раньше. Еще до начала летних каникул. В начале мая. Вот когда появились плакаты, вот когда на телефон пришло оповещение. Об этом говорили все, но дети пропадают постоянно; и еще пошли разговоры, что в семье этого мальчика отношения были дерьмовые, так что, возможно, он просто сбежал из дома...